

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.985.1

DOI: 10.17223/23088451/15/7

А.В. Варданян, Г.А. Варданян

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ТЕНЕВОГО ОБРАЩЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Проанализирована правоприменительная практика, сформировавшаяся после вступления в силу ст.ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ, в части специфики выявления указанных деяний. Эмпирическое обобщение позволило определить наиболее актуальные и востребованные разновидности способов совершения преступлений в сфере теневого обращения фармацевтической продукции, которые оказались коррелятивно взаимосвязанными с соответствующими поводами для возбуждения уголовных дел о преступлениях указанной категории.

Ключевые слова: *лекарственные средства, медицинские изделия, биодобавки, фармацевтическая продукция, возбуждение уголовного дела.*

Реагируя на запросы теории и практики борьбы с преступностью постсоветского периода, возникновение такого нового социального явления, как экономическая преступность в служебной сфере [1, с. 67–71; 2; 3, с. 9–15], законодатель пополнил Уголовный кодекс Российской Федерации новыми составами преступлений, представляющими собой уголовно-правовые меры борьбы с повсеместным распространением медикаментов и иной фармацевтической продукции, созданной и реализуемой вопреки существующим правилам и технологиям.

После принятия Федерального закона РФ от 12 февраля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», урегулировавшего правоотношения в данной сфере, отечественный фармацевтический рынок продолжал быть переполненным фальсифицированными или недоброкачественными лекарственными средствами, медицинскими изделиями, биологически активными добавками, а также различной фармацевтической продукцией, произведенной вопреки отсутствию соответствующей лицензии либо разрешения. Достаточно вспомнить резонансные уголовные дела по обвинению О. Рассохина и других членов организованной группы, изготавливающей в особо крупных размерах фальсифицированные лекарственные средства, призванные бороться с онкологическими заболеваниями, Т. Брынцаловой, по указанию которой предприятие изготавливало ряд лекарственных средств без необходимой лицензионно-разрешительной документации. И хотя названные и иные лица были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за иные смежные деяния, носящие более универсальный характер, очевидно, что в обществе назрела потребность в криминализации противоправных действий именно в связи с обращением теневой фармацевтической продукции, будь такие действия связаны с сокрытием данной продукции от учета, производством без лицензии или разрешения, представлением ложной информации об изготовителе или фармацевтических свойствах фармацевтических изделий, а равно представлением продукции, не отвечающей соответствующим стандартам, не прошедшей

необходимые исследования (испытания), не имеющей регистрационного удостоверения и т.д.

Итак, Федеральным законом РФ от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ были введены следующие нормы: незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ); обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ); подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327.2 УК РФ).

Представленные нормы криминализируют различные грани теневого фармацевтического бизнеса, являясь базовыми. Их анализ показывает, что в зависимости от содержания противоправных действий в одних случаях предусматривается ответственность за действия в отношении всех форм предмета преступного посягательства (лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки), в иных случаях рамками уголовной ответственности охватываются лекарственные средства и медицинские изделия. Также наступление уголовной ответственности зависит от того, относится ли предмет преступного посягательства к фальсифицированным, недоброкачественным либо незарегистрированным препаратам. Например, с точки зрения ст. 238.1 УК РФ биологически активные добавки могут быть только фальсифицированными, тогда как лекарственные средства и медицинские изделия – фальсифицированными, недоброкачественными или незарегистрированными. С точки зрения ст. 235.1 УК РФ наказуемо производство в целях сбыта и сбыт лекарственных средств и / или медицинских изделий вопреки отсутствию лицензии, но не предусмотрена аналогичная ответственность за незаконное производство биодобавок. Кроме того, указанные нормы не исключают при наличии соответствующих оснований привлечения к уголовной ответственности и по иным статьям уголовного закона, по совокупности с ними либо без таковой, в отношении деяний, предметом пре-

ступного посягательства по которым выступают фальсифицированные (недоброкачественные, незарегистрированные) лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки.

Опыт правоприменительной практики позволяет оценить эффективность данных уголовно-правовых новелл, проанализировав реальную статистику возбуждения уголовных дел и их расследования. Казалось бы, наиболее социально опасной формой преступлений, связанных с теневым распространением различной фармацевтической продукции, представлялось серийное производство и оптово-розничный сбыт, в том числе через сеть аптечных и даже лечебно-профилактических учреждений, фальсификатов сильнодействующих лекарственных средств, имеющих высокую рыночную стоимость и пользующихся повышенным спросом у потребителей.

В то же время, анализ эмпирических материалов свидетельствует, что наиболее выявляемыми разновидностями указанных деяний являются:

- сбыт незарегистрированных лекарственных средств – 43,7%;
- незаконное производство медицинских изделий – 26,9%.

Все остальные разновидности анализируемых деяний, выступающие элементами ст.ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ, в частности производство и сбыт фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий или биодобавок, выявляются значительно реже.

Такое соотношение наиболее типичных способов совершения деяний в сфере теневого оборота фармацевтической продукции, а также присущая им обстановка (обоюдная заинтересованность сторон в совершении сделок по передаче-приобретению данной фармацевтической продукции, отсутствие пострадавших, мотивированных отстаивать свои права) вполне корреспондируют с соотношением типичных источников первичной информации о преступлении.

Как известно, стадия возбуждения уголовного дела, несмотря на продолжающуюся острую дискуссию о сущности и содержании [4, с. 109–112; 5, с. 5–11; 6, с. 13–17; 7, с. 61–69], по мнению большинства исследователей, нацелена на обеспечение гарантий защиты прав и свобод личности, в том или ином качестве вовлекаемой в уголовно-процессуальные отношения. Но для инициации данной стадии требуются определенные первичные информационные источники о признаках преступления, которые именуется в правовой и научной литературе по уголовному процессу и криминалистике поводами к возбуждению уголовного дела.

Перечень поводов для возбуждения уголовного дела приведен в ст. 140 УПК РФ, а их сущность и содержание раскрыты в ст.ст. 141–143 УПК РФ. Итак, с точки зрения уголовно-процессуального закона поводами для возбуждения уголовного дела являются: заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ); явка с повинной (ст. 142 УПК РФ); сообщение о преступлении, полученное из иных источников (ст. 143 УПК РФ); постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Сопоставляя указанные уголовно-процессуальные нормы с материалами изученных уголовных дел, авторы пришли к выводу, что данная группа деяний фактически пополнила категорию «инициативных преступлений», т.е. раскрываемых преимущественно благодаря активной и наступательной деятельности правоохранительных органов, обладающих полномочиями по выявлению преступных деяний.

Казалось бы, производство фальсифицированных лекарственных средств рассчитано на их приобретение конечными потребителями, т.е. неопределенно широкими категориями лиц, нуждающимися в соответствующем (в том числе интенсивном) лечении. Закономерно, что квалифицированный и особо квалифицированный составы ст. 238.1 УК РФ предусматривают ответственность за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти (а также смерти двух и более лиц). Иными словами, предполагается, что конечные потребители, не получив ожидаемого лечебного воздействия вследствие приема фальсифицированного или недоброкачественного препарата, а то и пострадав в результате неблагоприятного фармацевтического воздействия, должны обратиться с заявлением о преступлении. Однако практика показывает, что заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела встречается достаточно редко – в 8,3%. Почти не встречаются (по крайней мере в материалах изученных уголовных дел) заявления от имени частных лиц. На практике более реальны заявления от имени юридических лиц [8, с. 8–14] – официальных производителей либо аптечных учреждений, приобретших партию продукции, оказавшейся фальсифицированной.

Поскольку анализируемые деяния относятся к группе умышленных преступлений, субъектам преступления изначально присуща целеустремленность к достижению умысла, значительная часть деяний совершается под воздействием корыстной мотивации (за исключением действий в отношении орфанных препаратов, заказываемых для личного потребления либо для лечения родственников), то явка с повинной не типична. Мы говорим о явке с повинной именно как о поводе к возбуждению уголовного дела, т.е. как об источнике первичной информации о преступлении. Законодатель весьма лаконично формулирует данный повод для возбуждения уголовного дела в ст. 142 УПК РФ.

В то же время, обращаясь к системному толкованию понятия «повод для возбуждения уголовного дела», а также дифференцируя явку с повинной от возбуждения уголовного дела в результате непосредственного усмотрения следователем, органом дознания, дознавателем признаков преступления в ходе их повседневной профессиональной деятельности, очевидно, что о наличии явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела можно говорить, если лицо сообщает информацию о совершении им деяния, имеющего признаки преступления, о котором ранее не было известно правоохранительным органам. Если же речь идет о деянии, которое уже попало в орбиту правоохранительных органов (тем более осуществлено задержание с поличным), но лицу предлагается добровольно признать свою вину в совершенном преступлении, что

оформляется заявлением о явке с повинной, а также впоследствии трактуется как содействие следствию, то здесь нельзя говорить о явке с повинной именно как о поводе для возбуждения уголовного дела. Раскаяние, способствование раскрытию и расследованию преступлений, признание вины и дальнейшее согласие с обвинением, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, заглаживание причиненного вреда – все эти механизмы, свидетельствующие в пользу обвиняемого, тем не менее не требуют изначального оформления явки с повинной. Разумеется, отбирая у лица заявление о явке с повинной, которое нередко также дублируется протоколом о принятии явки с повинной, соответствующее должностное лицо формирует позицию подозреваемого, сущностью которой является сотрудничество со следствием. Положительно оценивая практику правомерного психологического воздействия на подозреваемого или обвиняемого с целью принятия им линии поведения, направленной на сотрудничество со следствием, тем не менее неверно говорить о том, что это лицо явилось с личным в значении повода для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, в российском уголовном процессе термин «явка с повинной» имеет неоднозначный смысл, который иногда смешивается практическими работниками.

Как видно, абсолютное большинство анализируемых деяний возбуждается в результате наступательной деятельности правоохранительных органов [9, с. 20–24] по выявлению признаков преступлений – 91,3%. При этом в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий выявлено 74,6% деяний, а в результате осуществления иной профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, направленной на охрану общественного порядка и обеспечение безопасности уполномоченными сотрудниками, например патрулирования, личного досмотра транспортных средств и тому подобного – 16,7% деяний. Обычно выявление деяний по инициативе сотрудников правоохранительных органов осуществляется тогда, когда преступление не предполагает наличия в качестве потерпевших конкретных лиц либо они не способны в силу своего состояния самостоятельно проявить свою гражданскую позицию, не заинтересованы в ее выражении в силу зависимости от субъекта преступления или иных обстоятельств.

С одной стороны, это отражает профессиональную заинтересованность уполномоченных сотрудников правоохранительных органов предотвратить дальнейшую эскалацию продукции теневого фармацевтического рынка. С другой стороны, современное построение учета раскрываемости преступлений способствует такому неблагоприятному явлению, как «погоня за высокими показателями», создание видимости эффективной борьбы с преступностью за счет инициативного выявления деяний, носящих очевидный характер, не требующих долгой и кропотливой работы, т.е., говоря условно, сосредоточенности на «быстрых и легких делах» в сочетании с нежеланием осуществлять трудоемкую работу по заявлениям пострадавших о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности. Однако такая

позиция опасна злоупотреблениями полномочиями со стороны должностных лиц, уполномоченных принимать решение в стадии возбуждения уголовного дела, о чем справедливо предупреждают О.И. Андреева, В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, Т.В. Трубникова [10, с. 9–14].

При этом основным ресурсом выявления таких деяний выступает проведение оперативно-розыскных мероприятий, в особенности оперативного эксперимента и проверочной закупки, в том числе в рамках оперативно-тактической операции [11, с. 133–134], которые по определению предполагают моделирование ситуации, побуждающей лицо, вовлеченное в те или иные стороны оборота фармацевтических средств, совершить определенные юридически значимые действия (оцениваемые с позиции уголовного кодекса) либо отказать от их совершения. Общеизвестна тонкая грань оперативного эксперимента, как и проверочной закупки, от провокации преступления, которая далеко не всегда соблюдается на практике. До сих пор не изжиты случаи, когда объективно фигурант не совершил бы данное деяние, если бы не поддавался настойчивым уговорам и просьбам со стороны лица, действующего под контролем правоохранительных органов. Особенно неоднозначна ситуация, когда контакт с фигурантом и его побуждение на совершение определенных действий сопровождается активным психологическим воздействием – использованием эмоциональных легенд, побуждающих к сочувствию, состраданию, в особенности якобы касающихся жизни и здоровья близких лиц, в том числе ребенка и т.д. На наш взгляд, такое недопустимо, в особенности если в распоряжении правоохранительных органов отсутствуют надлежащим образом задокументированные материалы, отражающие достоверную информацию о совершении фигурантом аналогичных деяний ранее, без оказания на него какого-либо психологического воздействия.

Наиболее заметны подобные «перегибы» в случаях, когда к уголовной ответственности привлекаются родители, близкие родственники или иные близкие лица людей, страдающих редкими генетическими (орфанными) и быстро прогрессирующими заболеваниями, для лечения которых эффективны только импортные медикаменты, не поставляемые в Россию, а потому не прошедшие регистрацию на территории нашей страны. Нераспространенность этих заболеваний означает потенциальное отсутствие широкого спроса на соответствующий препарат импортного производства, а потому отсутствие инициативы со стороны государственных органов по организации процедуры его регистрации, а также проведения необходимых испытаний (исследований). Не являются заинтересованными в поставке таких препаратов и иностранные производители по причине как небольшого спроса, так и сложной процедуры регистрации препаратов на территории Российской Федерации, требующей проведения испытаний с участием определенного количества испытуемых, носящих достаточно продолжительный характер и сопровождающихся определенными финансовыми затратами. В результате родители, иные близкие родственники или близкие лица, разочаровавшиеся в сложном и гро-

моздком бюрократическом механизме законного снабжения такими препаратами, вынуждены самостоятельно заказывать их из-за рубежа. Но нередко они оказываются задержанными с поличным уже в почтовом отделении при получении почтового отправления.

С другой стороны, причастными к преступлениям этой же разновидности нередко оказываются субъекты и даже организованные группы, специализирующиеся на контрабандной поставке лекарственных средств, не зарегистрированных на территории Российской Федерации, но пользующихся спросом у населения (например, препараты Daclatasvir, Daclavir, Mprivir производства Египта, предназначенные для лечения вирусного гепатита С) с последующим их серийным сбытом заказчикам.

Типичным поводом для возбуждения уголовного дела в обоих случаях будет являться сообщение о признаках готовящегося или совершенного преступления, полученное из иных источников, сущностью которого выступает непосредственное обнаружение признаков преступления сотрудниками правоохранительного органа в ходе текущей профессиональной деятельности. Однако, осуществляя проверочные мероприятия в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ, необходимо установить наличие в ставшем известном факте признаков преступления,

а именно: общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости. Рассматривая такой критерий, как виновность, нужно определить не только умысел, но и цель и мотивы деятельности лиц. Если лицо руководствовалось целью и мотивами материальной выгоды вследствие сбыта пользующихся спросом незарегистрированных лекарственных средств, то оно, безусловно, подлежит привлечению к уголовной ответственности (при условии установления в ходе расследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию). Если же субъект преследовал такую цель, как вынужденное обеспечение эффективным лекарственным препаратом своего тяжело больного ребенка или иного близкого лица, и при этом получение данного препарата в предусмотренном порядке требовало бы больших временных и организационных затрат, что могло бы принести гораздо больший вред здоровью лица, нуждающегося в интенсивном лечении, то налицо наличие ситуации крайней необходимости, выступающей основанием для отказа или прекращения уголовного преследования. Соответственно, при выявлении факта обращения незарегистрированных средств наряду с объективными признаками преступления не меньшую значимость приобретает доказывание субъективной стороны этого деяния, а также причин и условий совершения преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов М.Г. К вопросу о методологии исследования служебно-экономической преступности // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 2 (16). С. 67–71.
2. Пучнин А.В. Особенности расследования экономических преступлений, связанных со служебной деятельностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
3. Айвазова О.В. Криминалистические аспекты изучения юридических лиц как адекватное реагирование на современные тенденции преступности служебно-экономической направленности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 9–15.
4. Андреева О.И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 109–112.
5. Володина Л.М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
6. Азаров В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13–17.
7. Свиридов М.К. Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 61–68.
8. Айвазова О.В. Юридическое лицо как заявитель о преступлении // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2019. С. 8–14.
9. Азаров В.А., Константинов В.В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 11. С. 20–24.
10. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Стадия возбуждения уголовного дела: созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 9–14.
11. Князьков А.С. Оперативно-тактическая операция и предмет криминалистики // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. // ред. кол.: О.И. Андреева, С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин, Н.С. Дергач ; Том. гос. ун-т. Томск, 2011. С. 133–134.

On Initiation of Criminal Cases in Crimes Related to the Shadow Flows of Pharmaceutical Products

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 36–40. DOI: 10.17223/23088451/15/7

Akop V. Vardanyan, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-the Don, Russian Federation). E-mail: avardanyan@yandex.ru

Galina A. Vardanyan, South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-the Don, Russian Federation). E-mail: avardanyan@yandex.ru

Keywords: medicines, medical products, dietary supplements, pharmaceutical products, initiation of criminal case.

Having analyzed the law enforcement practice that emerged after Art. 235.1, 238.1, 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation have entered into force, the authors employ an empirical generalization to identify the most relevant and sought-after methods for committing crimes related to the shadow circulation of pharmaceutical products, which turned out to be correlatively interconnected with the corresponding reasons for initiating criminal cases in crimes of this category. Due to the Federal Law No. 532-FZ of the Russian

Federation dated December 31, 2014, the Criminal Code of Russia has included the following norms: illegal production of medicines and medical devices (Article 235.1 of the Criminal Code of Russia); circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices, and circulation of counterfeit biologically active additives (Article 238.1 of the Criminal Code of Russia); forgery of documents for medicines or medical products or packages of medicines or medical products (Article 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The empirical analysis allows us to conclude that the most detectable methods are: sales of unregistered drugs (43.7%); illegal production of medical devices (26.9%), and the most relevant reason for initiating a criminal case is a crime report received from other sources. The authors identify typical problem situations and propose recommendations for their minimization.

References

1. Ivanov, M.G. (2014) K voprosu o metodologii issledovaniya sluzhebno-ekonomicheskoy prestupnosti [On the methodology of economic crime investigation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii - Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2(16). pp. 67–71.
2. Puchnin, A.V. (2012) *Osobennosti rassledovaniya ekonomicheskikh prestupleniy, svyazannykh so sluzhebnoy deyatelnost'yu* [Investigation of economic crimes related to official activity]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
3. Ayvazova, O.V. (2017) Forensic aspects of legal entities as an adequate response to modern trends of crime office-economic orientation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 4(83). pp. 9–15. (In Russian).
4. Andreeva, O.I. (2012) On the necessity of criminal case instituting in present-day criminal proceedings in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 109–112. (In Russian).
5. Volodina, L.M. (2013) Problemy reglamentatsii vzbuzhdeniya ugolovnoogo dela [Problems of the regulation of criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
6. Azarov, V.A. (2014) Is the stage of criminal case initiation necessary in the Russian criminal procedure? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(4). pp. 13–17. (In Russian).
7. Sviridov, M.K. (2016) The content of the stage of instituting criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(20). pp. 61–68. (In Russian).
8. Ayvazova, O.V. (2019) [Legal entity as a crime applicant]. In: *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Forensics: topical issues of theory and practice]. Proc. of the International Conference. Rostov-on-the-Don. pp. 8–14. (In Russian).
9. Azarov, V.A. & Konstantinov, V.V. (2013) The peculiarities of investigator's using the results of operative work for proving malfeasances committed by the workers of home affairs organs. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 11. pp. 20–24. (In Russian).
10. Andreeva, O.I., Grigoriev, V.N., Zaytsev, O.A. & Trubnikova, T.V. (2018) The stage of a criminal case initiation: are there sufficient guarantees from abuse of right? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 9–14. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/2
11. Knyazkov, A.S. (2011) Operativno-takticheskaya operatsiya i predmet kriminalistiki [Tactical operation and the subject of forensics]. In: Andreeva, O.I., Eliseev, S.A., Prozumentov, L.M., Sviridov, M.K., Utkin, V.A. & Dergach, N.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 133–134.